

И.Е.Варбот (Москва)

О некоторых потенциальных лехитских заимствованиях
в русском языке

Трудности разграничения исконной лексики какого-либо славянского языка и проникших в него заимствований из соседнего славянского языка общеизвестны: заимствование из родотвенного языка легко сблизается с исконной лексикой и может быть вовлечено в определенное этимологическое гнездо, что обуславливает еще более полную адаптацию заимствований. Поэтому даже при анализе происхождения слова, априорно представляющегося исконным и достаточно поздним образованием, необходим учет лексических соответствий (и не только собственно соответствий, но и лексического окружения) в соседних славянских языках и анализ соотношения этих соответствий с рассматриваемым словом с точки зрения генезиса обнаруженного соотношения (родство/заимствование). Значительные перспективы для выявления заимствований открываются при сопоставлении русской лексики с лексикой лехитской группы, несмотря на длительную традицию изучения этого контакта.

В новгородских говорах зафиксировано слово с у л ь ч и н а "сырое пресное тесто"¹. Ориентируясь на русскую лексику, этот диалектизм можно было бы связать с диалектными же глаголами с у л и т ь, с у л я т ь "совать, толкать, пихать, двигать" (Даль IV, 359), толкуя тесто как "замешанное, сдавленное". Даль поместил эти глаголы как тамбовские, уральские, казанские. С у л я т ь "толкать" известно также в саратовских² и ярославских (Мельниченко, 196) говорах, с у л я т ь с я "толкаться" в донских (Миртов, 315). Настораживает отсутствие вписей этих глаголов в нов-

1. Лавров К. Простонародные слова, употребляемые в уездах Новгородской губернии: Новгородском, Старорусском, Кирилловском, и Боровичском. - Дивная старина, 1895, год 5-й, вып.3-4, с.382.

2. Труды МДК. Свод материалов, собранных Комиссией. Словарь и ответы на программу по Саратовской губ. - РЯВ, 1911, т.66, с.206.

городских юворах, где употребляется с у л ь ч и н а. В то же время в польских диалектах есть очень близкий к новгородской лексеме глагол *valaś* "мять, давить, стаскивать" (SJ, P, 509), есть и словосочетание *ivalaś ciasto* "месить тесто" (SJ, P, 383), и, наконец, родственное с *valaś* имя существительное *valka* "шарик из теста" (SJ, P, 509). Польское *valaś* (с вариантом *zvalaś* "шкять" - SJ, P, 684) связано, очевидно, далее с чешско-моравским и словацким глаголом *valat'* "делать катаньши из чего-либо мягкого", а польск. *valka* сопоставимо с чеш. *valék, valéc* "катаншек, комок" (Machec, 630). Многочленность словообразовательных гнезд польск. *valaś* - *valka* и чеш., словацк. *valat'* - *valék* при изолированности русск. новгород. с у л ь ч и н а может рассматриваться как достаточно надежное свидетельство заимствования русского диалектизма из польского языка или, что более вероятно, образования этого диалектизма от полонизма (ср. ударение с у л ь ч и н а на третьем слоге от конца). Аналогичным заимствованием из словацкого языка являются, вероятно, укр. ш у л ь к, мн. -и "кусочки пресной лепешки, политые растертым подслащенным маком", ш у л ь к а "початок кукурузы" (Гринченко IV, 517, 518) - ср. словацк. *šul'* "кусочек теста в форме валика", *šulok* "початок" I.

На московском симпозиуме по современным проблемам славянской этимологии Л. Киш сформулировал в качестве одного из принципов этимологизации заимствований положение о том, что при наличии в смежных языках "общих, но этимологически изолированных слов... судить о направлении распространения этих слов мы можем

I. *Slovník slovenského jazyka*. Ved. red. Št. Peciar 4 d. Bratislava, 1964, с. 470, 471.

Махек считал чеш., словацк. *valat'* экспрессивным образованием от *valat'* (с промежуточной ступенью в виде ляс. *valat'*) - Machec, 630. Не следует ли скорее искать источник всех этих польских, лясских и словацких лексем в немецком языке? Ср. ср.-н.-нем. *schulle* (совр. нем. *scholle*) "ком, глыба". Тогда собственно германизмами являются западнославянские имена (чеш. *valék*, словацк. *šul'*, польск. *valka*), а глаголы произведены от имен.

- лишь по выяснении конечного источника"¹. При всей справедливости этого принципа как критерия завершенности исследования, нельзя не признать, что в ходе изучения миграции лексем полезно установление направления отдельных этапов заимствования, что может затем облегчить решение задачи первоначального источника. Такое поэтапное исследование часто вполне возможно ранее выяснения первоначального источника. Кроме того, отдельные этапы могут представить самостоятельный интерес для этимологии. Так, до сих пор остается не ясным источник русск., укр., блр. *с е р м я г а*, др.-русск. *с е р м я г а* и польск. *siemiga*, ст.-польск. *vziemiga* (SJEP, 107). В подобных случаях особенно существенно учесть вариантность формы и значения. В данном случае интересно, что наряду с формой на *в* начальное есть формы с начальным *ѣ*: помимо ст.-польск. *vziemiga*, это еще блр. *могыл. ш и р м а г а* "сермига, верхняя одежда из домотканного сукна"² и кашуб. *Źemiga*, *Źimiga* "бродяга, оборванец; кляча"³. Объединение в этой группе названий ткани, верхней одежды и бродяги, оборванца оправдывается существованием известной семантической модели "название одежды (обычно плохой)" → "уничижительное прозвище" (напр. в-луж. *пёса* "шапка" и "растяпа"; польск. *Źach* "плохая одежда" и "бездельник, лентяй"⁴; кашуб. *barajło* "голытьба, сброд"⁵ при русск. *б а р а х л о* "плохая одежда, имущество"), так что значение уничижительного прозвища в кашуб. *Źemiga*, *Źimiga* толкуется как вторичное, производное от значения "грубая ткань; одежда из грубой ткани" (ср. русск. *с е р м я к н и к* "мужик, крестьянин" (Даль IV, 178). Фикса-
1. Кипп Л. О некоторых принципах этимологизирования заимствованных слов. - Этимология. 1967. М., 1968, с.69. Речь идет, собственно, о первоначальном источнике. Называя его конечным, Л.Кипп акцентировал момент выяснения его как конца исследования, ведущегося от поздних фактов к древним.
 2. Бяльквич I.К. Краевы слоунік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970, с.505.
 3. Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1972, t.5, с.251.
 4. Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1974, t.4, с.403.
 5. Sychta B. Słownik gwar kaszubskich, t.5, с.251.

ция кашуб. *śerńga*, *śierńga* в значении "бродяга, оборванец" позволяет поставить вопрос о связи с данной группой другого "темного" русского слова — *ш а р о м ы г а*, *ш е р о м ы г а* "любитель поживиться на чужой счет, жулик, обманщик". Преобладающее этимологическое толкование его (из фр. *cher ami* "дорогой друг" — обращение солдат наполеоновской армии к русским — Фасмер IV, 411) малоубедительно, так как позднему времени заимствования противоречит широта распространения слова. С другой стороны, обилие вариантов говорит в пользу заимствованного происхождения. В соликамских говорах записан вариант *ш и р о м а г а* "пьяница, драчун" (Беляева, 693), который фонетически максимально близок к блр. *ш ы р м а г а* "сермяга". Учитывая наличие полонизмов в соликамской лексике (ср. *з а м е н т е л ь е* "головокружение" (Беляева, 181) — польск. *zamętlenie*) и семантику кашуб. *śerńga* "бродяга, оборванец", можно предположить, что источником заимствования русск. *ш а р о м ы г а* была польская или кашубская лексема, обозначавшая исконно сермягу, а вторично — бездельника, жулика¹. Не исключено, что посредником при заимствовании послужили белорусские говоры, однако здесь (при наличии *ш ы р м а г а* "сермяга") значение типа "бездельник" не зафиксировано.

Возвращаясь теперь к вопросу о генезисе самого названия ткани и одежды русск., укр., блр. *с е р м я г а*, польск. *wierńga*, *szewierńga*, кашуб. *śerńga*, *śierńga*, следует обратить внимание как на вариантность начального *в/ш*, так и на вариантность *ег/иг* в кашубских формах (ср. еще и блр. *ш и р м а г а*). Скорее всего эта вариантность указывает на балтийское происхождение славянского слова (*в/ш* может быть отражением различных рефлексов и.-е. **h* в литовском, с одной стороны, и латышском и прусском языках, с другой стороны). Далее, семантическая модель литовского названия сермяги *rudinė* — от цветообозначения *rudas* "бурый" — говорит в пользу гипотезы о принадлежности несохранившегося балтийского слова (источника славянских форм)

I. Кстати, польский источник для русск. *шеромыжник* предполагал еще Брикнер, считавший русскую лексему связанной с польск. *szarapatka* "голытьба, бедняк, оборвыш", см.: Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1957 (przedruk z pierwszego wydania, Kraków, 1927), с. 541 (szary).

к гнезду литов. *šigmas* "серый, сивый".

Таким образом, представляется вероятным происхождение русск. *сермяга* и *шаромыга* из одного первоначального источника: *сермяга* является при этом непосредственным заимствованием из балтийского (ср. *-ig-* как отражения сочетания *ing* возможного источника), тогда как *шаромыга* — более поздним заимствованием через лехитское посредство с отсутствующим изменением семантики.